САКСОФОН

Антону было лет шестнадцать что ли, когда жизнь стала откровенно напрягать. До этого он как-то справлялся, не без сбоев, но тянул беспросветное. Увлекался по мелкому, и это помогало. То футбольные карточки, то компьютерные игры, то походы, то борьба, то теннис, то музыка. Много чего и часто пробовал, и не во всем получалось, но не залипал надолго. Сожалел, но не отчаивался. А тут теперь стало все по-другому. Хотелось выть.

Он с тоской ложился спать, и еще хуже было с утра.

Родители любили его, но не понимали. Нет, они понимали про возраст, книжки читали про подростковую психологию и всё такое. Но. Но от этого становилось только хуже.

Он хотел быть саксофонистом, как сосед из 26-й квартиры. Игорь. Ему было 26, и он играл в симфоническом оркестре на вечеринках и, говорили, даже на похоронах. Антон про похороны не верил, пока сам Игорь не подтвердил, когда они познакомились.

— Ну да, играю, а что такого, деньги хорошие,— пожал он плечами, когда Антон спросил.

Антон готовился спросить несколько дней. Всё никак не мог. Боялся. Стеснялся и черт знает что

еще. А Игорь ответил без всяких оговорок. Как само собой разумеющееся. Оказался общительным.

В следующий раз, встретив его на лестнице, Антон спросил про саксофон. Ну в том смысле, как он, Игорь, стал играть. Как это с ним случилось? Игорь прислонился плечом к стене, посмотрел куда-то за спину Антону и ответил в том смысле, что всегда хотел, и когда отвели родители в музыкальную школу, настоял на саксофоне, хотя мама, конечно, предпочла бы пианино.

— Но я был тверд и даже закатил пару истерик,— Игорь засмеялся.— Теперь смешно вспоминать.

Антон видел маму Игоря и подумал, что ей истерику он бы закатить не смог.

Игорь пошел к себе домой, а Антон на улицу. Шел и думал: наверное, поздно уже учиться играть на саксофоне. Что за невезуха!

Антон дружил с ребятами, но дружба эта сводилась к болтанию по улицам. Мечтам и обсуждениям несбыточных уже желаний. Тоска в целом была не побочным, а основным результатом этих общений. Кто-то помогал по дому, кто-то занимался живописью, кто-то становился уже приличным спортсменом, а Антон продолжал пробовать. В основном перебирая картинки в Сети или играя в ненапряжные, неглубокие игры. Он не любил достигать уровней. Утомительно и опасно.

Игорь был таким же, как Антон, только он умел играть на саксофоне. Нельзя сказать, что соседи радовались этому, но они прислушивались, и когда он долго не играл, переживали. У Игоря было много приятелей, но друзей не было. Он был замкнут и тих, не вязался с образом разудалого лабуха, который сложился в сознании масс.

И у него была тайна. Игорь считал себя ненормальным. Он считал саксофон, свой саксофон, одушевленным, он разговаривал с ним, и саксофон отвечал ему. Они разговаривали целыми днями. Он где-то

в Сети читал про раздвоение личности и про шизофрению, но ему нравилось быть таким.

Его мать считала Игоря лентяем, что он все выдумывает про саксофон, чтобы ничего не делать, чтобы она от него отстала. Она не верила, но и к врачам вести Игоря не собиралась. С тех самых истерик и не собиралась. Она была хорошая.

Инесса Павловна, так звали маму Игоря, хорошо понимала сына. Ее отец был таким же. Он был печником. Клал людям печи. И тоже разговаривал с ними, с печами. Она наблюдала, как печи превратились в саксофоны. Ее это забавляло и совсем не пугало.

А вот соседский мальчик Антон ее пугал. Она не знала — почему. Где-то в глубине была тревога. Опасность.

В очередной раз встретившись, Игорь позвал Антона на концерт. У него была отличная сольная партия в «Болеро» Равеля.

— Приходи,— сказал Игорь,— за полчаса. Я тебя посажу в зал. Или давай лучше контрамарку тебе дам.

Он порылся в рюкзаке. Достал билет.

— Держи.

Антон не знал, что сказать.

— Спасибо.

Он взял контрамарку.

— Через неделю,— сказал Игорь.— В Малом зале. Знаешь, где это?

— Найду,— сказал Антон.

— Хорошо.

И Игорь ушел. Антон повертел в руках бумажку. Пожал плечами.

Слушая Равеля, Антон вспоминал, что идти не хотел. Но пришел. Не хотел обижать Игоря.

Когда дошла очередь до саксофона, Антон забыл о своих мыслях. Он был там. В саксофоне. Метался в воздухе трубы. Его прижимал Игорь клапанами, не давал высвободиться. Он рвался, но не успевал.

Музыка давно кончилась, вернее, играли другие солисты, а Антон сидел с закрытыми глазами. Боялся открывать.

На следующий день Антон позвонил в дверной звонок квартиры Игоря. Ему открыла Инесса Павловна.

— Игорь дома? — вместо «здрасте» выпалил Антон.

Мама Игоря посмотрела на него внимательно и медленно, даже, как ему потом вспоминалось, величественно сказала:

— Да. Проходи. Ты Антон?

— Да,— в свою очередь сказал он.

— Игорь,— погромче сказала она.— Тут к тебе пришли.

Вышел Игорь.

— Привет,— сказал он.

— Можно мне поговорить с саксофоном? — спросил, запинаясь, Антон.

— Отчего же нет, пойдем поговорим,— улыбнулся Игорь.— Ты вчера нырнул? — спросил он быстро.

— Да,— сказал Антон.— Еще как.

И совсем смутился.

Инесса Павловна все слышала.